

«Я НА СВОЮ СУДЬБУ НЕ ОБИЖАЮСЬ...!»

В соответствии с постановлением СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930 года вся наша семья была выслана в Свердловскую область. Мои родители, брат Георгий, сестры Галина и Анастасия уроженцы Кубани, станицы Старо – Минская, Краснодарского края. «Спецпереселенцев» доставили в поселок Нижний Лангур, Андриановского сельского совета, Серовского района, Свердловской области, куда начиная с 1929 года начали доставлять репрессированных граждан СССР. Когда возник поселок «спецпереселенцев», то там стоял лишь один барак, окруженный густым лесом. Стали постепенно появляться люди, строились еще бараки и жилые дома, пекарня, магазин, клуб. Люди жили в очень трудных условиях.

Немного погодя моих родителей переселили в поселок Марсяты, этого же района.

Мама устроилась на работу в больницу, в которой я и родилась 04 апреля 1935 года. Не знаю случайно или умышленно мне в роддоме в глаза закапали йод. Перепутали с глазными каплями, они тоже были темным раствором. Темное пятно расплылось по всему лицу. Врачи охали, извинялись, говорили, что испортили девочке лицо. Мама сильно переживала. Но вскоре все это прошло.

В детстве я часто болела ангиной, такая была страшная ангина, что я не могла ни дышать, ни глотать. Но все проходило. Это бабушка соседка нас лечила да мама молилась. Прошло много лет, но я часто вспоминаю этих соседок-бабушек. Свою родную бабушку я не помню, она умерла рано.

В 1940 году в поселок приехал председатель соседнего колхоза Межевая, агитировать людей вступить в колхоз. Мама стала уговаривать отца вступить в колхоз. Так как родители были оторваны от земли и скота, они решили вступить в колхоз. Сельскохозяйственные работы им ближе были по душе, чем лесозаготовки. Сколотили плоты, рядом протекала большая река Сосьва, мы со всеми своими пожитками оказались в поселке Межевая, где был колхоз «Светлый путь». Начиная с 1930 – х годов сюда тоже ссылали репрессированных. Жилья не было, нас поселили в амбаре, где хранилось зерно. Но зерна там уже не было, так как был июнь месяц, посевная закончилась. В нем было очень холодно, одежда на нас плохая, мы сильно мерзли. Рядом с амбаром был овощник, землянка, сверху засыпанная землей. Когда выглядывало солнышко, мы залезали на этот овощник и грелись.

Дали жилье. Дом был небольшой, с соседями. Построен из круглого бревна. Огорода не было. Вскоре папа начал рубить лес, готовить место под огород, стали сажать картошку. Стали жить намного легче, чем в 30-е годы.

Первого июня 1941 года у нас в семье родилась еще одна девочка.

Мама назвала ее Валей.

А 22 июня началась война. Стали на фронт забирать мужчин, ребят. Забрали и нашего соседа. Он был учителем. Школу закрыли, оставили только с 1 по 4 класс. Сестра Настя закончила 7 классов. Затем со своей подружкой Нюрой Кошечевой уехали в город Ирбит, поступили в сельскохозяйственный техникум. Но учиться не смогли, так как денег не давали, потому что в колхозе работали только за трудовни. Вернулись домой. Старшие брат и сестра уже работали в колхозе. На отца наложили бронь. Папа был трудолюбивым человеком, брался за любую работу. Работать ему приходилось день и ночь, мы его видели очень редко. Сестра Настя тоже пошла работать, ее поставили уборщицей в конторе. Контора находилась далеко от дома, мама посылала нас с Настей туда. Уборку делали поздно вечером, мы, ожидая Настю, засыпали на скамье. Когда мы приехали на Межевую, комендантом был очень хороший и порядочный человек, Пикулев. Мы дружили с его детьми. Они никогда не разрешали обижать нас. А нас ведь мог каждый обидеть, мы же дети врага народа. Мама никогда за нас не заступалась, а мы и не жаловались.

Выезды в город «спецпереселенцам» были строго запрещены.

А надо было по возможности продать картофель, что-то на что-то поменять.

Нужны были и деньги. Налог был большой. Есть у тебя курицы или нет, а сто

штук яиц сдай государству, с коровы 12,5 кг топленого масла, мяса, шкуру, брынзу (если кто держал овец). Да и масла столько, как можно было собрать с коровы. Скот стоял голодный. Вспоминаю, как приходили к папе, просили помочь поднять корову. Самостоятельно коровушки не могли встать, такие были слабые от голода. В колхозе было много скотины, много полей, лугов. Но ведь за скотом нужно было кому-то ухаживать, поля засеивать. А в колхозе одни старики, женщины да дети. Да на это хозяйство был введен государственный налог. И получалось, что колхознику ничего не оставалось. Делали масло, варили сыр, творог, молоко, все – все увозили в город Серов. И мясо, и шерсть, и шкуры. Мы дети помогали взрослым, бегали на поле. Пололи овощи. Особенно, когда начиналась уборка, можно было досыта поесть печеной картошки, моркови. После уборки зерновых собирали на поле колоски.

Помню, в конце нашей улицы жили молодые. Дядя Иван да тетя Катя. У них тоже в самом начале войны родилась девочка – Люба. Дядю Ваню забрали на фронт. А тетя Катя осталась одна со старым свекром да с маленьким ребенком. А на работу надо. Вот тетя Катя и уговорила маму, чтобы я водилась с маленькой Любой. Часто я у них оставалась ночевать, потому что тетя Катя уходила рано утром на дойку коров. А свекор хотя и был сильно больной да старый, но помогал, как мог. Часто ходил на рыбалку, благо ее было много в реке. Приносил язей, щук, налимов. Вот этим и питались. Летом, когда поспели семена турнепса, воробьи стали выклеивать семена из них. К нам пришел председатель и стал просить меня, чтобы я пошла гонять воробьев. Я была послушной девочкой и согласилась.

Воробьи поднимались с рассветом. Так как дома места было мало, мы, малыши спали на чердаке. Мама будила меня до восхода солнца. Я босиком, одета кое – как, бежала к турнепсу. Было очень холодно. Роса студеная.

Я про меж рядов бегала с трещеткой. Сильно мерзли ноги. А когда уж было совсем невтерпеж, я писяла и вставала на это место. Ногам было тепло, но место это остывало очень быстро. Ноги уже замерзли, а я еще писять не хочу! Там еще росли огурцы, но как бы мне не хотелось есть, ни одного огурца я не сорвала. Так учила нас мама. Она говорила, один раз своруешь, втянешься. Станешь воровать. Поймают и посадят в каталажку. Я не понимала, как это втянешься, и всегда думала, хоть бы мне не втянуться.

Потом приходили женщины и срывали мне один огурец, но так, чтобы никто не видел. Я этот огурчик прятала и бегом- бегом несла его домой.

Потом меня взяли стеречь цыплят от коршунов. Был отгорожен загон, и я с цыплятами там бегала. Я их очень любила, и сейчас люблю. И так каждое лето я работала в колхозе. Зимой с сестренкой сидели на печи.

Гулять нам было не в чем. Одна рваная телогрейка на всех. Но самое главное всегда очень хотелось кушать. В доме никогда не было ничего съестного. Картошки, и той не было вдоволь. На трудодни давали мало, да и то привезут мерзлое. Не успевали убрать вовремя с полей. Рабочей силы не хватало. Всю работу делали вручную. В первую очередь сдавали государству,

Оставляли на посадку, на корм скоту, а что останется то и колхозникам.

Мама наша не могла нагибаться, у нее сильно болела спина. Руки трескались по всем складочкам, в крови, мазать нечем. Сильно болели зубы. Голодная. Нас куча. Нечем кормить, одевать нечего.

Как только она выжила. Ползая по полю на коленях, босиком, без перчаток, с такими руками жала пшеницу, рожь, овес. Мы с Машей ходили к маме на поле. Она навяжет снопов, а мы тянем по 5 штук в кучки. Затем мама ставит «бабки», четыре ставит, а пятый наверх. Мы с Машей залезали в эту «бабку» (осторожно, чтоб никто не видел), растирали колоски, продували и съедали. Очень

боялись есть колхозное. Мама все время наказывала нам, чтобы мы закапывали остатки.

На лугах рос дикий лук, мы его собирали и мешками таскали домой. Мама его резала и тушила на большой сковороде с водой. Кормила нас. Собирали щавель, медуницу, лебеду, сушили пучками. Это для супа.

Мы перепробовали все травы, я до сих пор помню их вкус. Хлеба у нас всю войну не было. Колхоз никому не выдавал хлеба. Ели траву без хлеба и соли. Зимой в доме не было ни крошечки еды. Картошку и овощи съедим уже по осени. Посуда была из глины: стаканы, чашки. Ложки делали из дерева.

И пуговицы тоже были деревянными. Маленький брусочек дерева распиливали пополам, соединяли между собой кусочком резины или кожи (кто что находил), эта была подошва обуви. На нитки сеяли коноплю, лен. Много проводили работы, пока сделаем куделю. Чесали, надевали куделю на большой гребень и пряли.

Гребень был один на всю деревню. Пряли шерсть, ее было легче прясть.

Электричества не было. Работу делали при лучине или при луне. Печь у нас была огромных размеров, мы всей семьей помещались на ней. Зимой ветер воет в трубе, нам с Машей страшно. Спрашиваем друг у друга, ты спишь?

Нет. Я тоже не сплю. Ты о чем думаешь? Я мечтаю поесть шариков из теста, жаренных в масле, Размечтаемся. Есть еще больше захочется. Лежим тихонечко плачем, чтобы мама не услышала. Ветер как завоет, а мы - ой, война к нам идет.

Посмотрим с печи, мама сидит у окна, при луне прядет.

На керосин и спичек у нас денег не было.

Мама жар в печи закапывала в золу, он долго не угасал. А если вдруг угаснет, нас посылали за жаром. У всех в то время были сделаны железные совочки с дырочками. Выйду на улицу и смотрю у кого печь топится, туда и бегу.

Зачерпнут жар совочком и я бегу обратно домой. Дрова заготавливать некогда. С утра до позднего вечера на работе. Старшие из детей ходили в лес, обычно ходила Настя. Топором рубила гнилые пеньки и вязаночкой приносила домой. Мы с Машей выбирали источенный червяками кусочки и играли ими. Говорили, Петрушкин домик. Вторых рам на окнах не было. В доме было очень холодно. Зимы шибко студёные, а бегать на улице охота, а не в чем. Выйдем на улицу, в одних башмаках да без варежек, замерзнем, а домой забежим, сидим плачем. Тут же залезали на печь.

Ума не приложу, как мама умудрялась нас во что-то одеть, да чем-то накормить. Ведь в доме ничегошеньки не было.

Мы выбегали на улицу, зачерпывали глиняным стаканом снег, забежали и ставили его на печь. А когда снег немного подтает, мы вываливаем на стол и едим. Ждем маму с работы. Она придет, а мы в голос: кушать хочется. Она сядет, а мы ее окружим, она обнимет нас и плачет, чем же я вас мои детки накормлю. А потом все равно, что-то придумает и приготовит, обычно из травы.

Сестра Валя, последняя из нас, младшенькая. У нее был страшный рахит, ножки колесом. Она чудом выжила. Очень много раз мы ее роняли. Но самое страшное - не было мыла. Мама делала из золы щелочь, и мыла нас, и этим же стирала белье. У людей была страшная чесотка, заедали вши. В Серове на каждом углу стояли коптильни: в них коптили одежду, мылись люди.

Корыта у нас не было, мама занимала у соседей. А когда появилось у мамы корыто, она радовалась так, будто кончилась война. Нас она купала в бочке. В ней было очень душно, мы плакали.

В 1943 году брата Георгия забрали на фронт, сразу на передовую, а сестру Гаю на военный завод в Серов. Мама день и ночь плакала, молилась. Мы ее без слез не видели, было очень жаль маму, мы с Машей не знали, как ее разговорить. На заводе Галя работала по 12 часов, без выходных. Жила на квартире. У хозяйки часов не было. За опоздание на работу судили очень строго. И сестра, боясь опоздать на работу, бегала смотреть время к проходной. Особенно

тяжело было в ночную смену. Она часто рассказывала нам, лягу отдохнуть перед сменой, задремлю, соскочу и бегу к проходной. Если времени еще мало, опять прилягу. И так постоянно. Домой ее не отпускали.

У нашей соседки тоже забрали на фронт двоих сыновей. От них она не получила ни одного письма. Днем она с мамой на работе, а ночью, как охранники ходили вдвоем по улице, плакали и молились. У этой соседки был еще один сын, Леня, 5-ти лет. Весной, когда пахали поля таких маленьких мальчишек садили на лошадей верхом, погонять лошадь. Так вот он прилег на землю отдохнуть, простыл. Заболел воспалением легких и вскоре умер.

Вот соседка тетя Мотя осталась одна. Часто приходила к нам, нашего маленького Алешу называла Ленечкой и старалась всегда угостить его чем-нибудь. С войны ее сыновья вернулись, но никогда ни один из них не рассказывал, где они воевали.

Вскоре в наш поселок пришла страшная беда. Начали болеть тифом. Заболел и наш папка. Заболевших увозили в поселковую больницу или в пустующие дома. Отца еле выносили. Настю нашу поставили работать почтальоном. Она ходила в Андриановичи за 12 км в одну сторону, и обратно 12 км уже с сумкой. И еще надо было по поселку разнести, ведь люди ждали весточки с фронта. Ее все ждали с нетерпением.

Конечно, же, были и похоронки. Сколько крику, слез, а на утро опять на работу. Женщины работали на лошадях, быках, А быки упрямые, если не захочет идти, никакой силы не хватит поднять его, ляжет и все тут.

Летом Настя брала нас собой за почтой. Мы 12 км бежим за ней, она торопится, нужно ведь еще обратно вернуться засветло. Мы плачем, особенно больно идти по скошенному лугу, она нас учила, как нужно идти, не поднимать ноги от земли, а тянуть за собой.

Зимой дороги переметает. Она бредет по сугробам, хоть какой мороз, ветер. Когда холодно было мы с ней не ходили. Не во что было одеться, обуться. Валенки у Насти были плохонькие. Придет домой и не может снять их с себя. Она сядет и я начинаю стаскивать с нее валенки и не могу, а ей всего то 13 лет. Тогда волков было видимо не видно, наверное они от войны бежали в наши края. В поселке съели всех собак. Они уносили их на высокий берег реки и съедали, там было много собачьих голов и крови.

Когда Насте исполнилось 14 лет ее поставили дояркой на ферму. Коров было много, всю работу делали вручную: кормили, чистили, корм запаривали. Уходила рано, приходила поздно. Дояркой она проработала долго. Когда я маленько подросла, мама меня посылала помогать ей. Я выдаивала по 9-11 коров, она давала мне самых спокойных и слабых коров. Очень боялась я быков. Настя еще успевала сбегать в лес за грибами и ягодами. Носила дрова из леса. Кормила нас, читала сказки и помогала делать уроки.

В 1944 году весной мама увидела вещий сон, будто катятся по столу два яблока. Катились, катились по столу и остановились, а вечером с поезда пришли брат Георгий с сестрой Галиной. Ее отпустили с завода так, как брат пришел с фронта. Мама радовалась и долго - долго рассказывала свой сон. Брат был ранен. В глазу у него остался осколок, и рука не разгибалась. Весь в шрамах. Сильно болел глаз. Он все лето пролежал в кладовке в темноте, не мог смотреть на свет. На фронте два раза участвовал в рукопашном бою. Всех убьют, а он живой ходит ищет своих. Так было много раз, уже сам себе не рад, думал, хоть и меня уж убили бы. Потом думал, нет, не надо, все равно домой вернусь. И вот вернулся. Мамины молитвы спасли его.

Когда ему стало легче, его поставили пожарником, охранять лес от пожаров. Лесничий вредный, даже если идет проливной дождь, он все равно посылал брата в лес. И всегда кричал на него, что пойдешь под суд. Мы долго еще жили под конвоем. Даже не помню, когда нас освободили от коменданта.

Многие сразу уехали на родину, а у нас семья большая, денег нет на билет. Только в 1968 году родители, младшая сестра с мужем и детьми выехали с Урала на Кубань

В школу я пошла в 1943 году, в возрасте 8 – ми лет, вместе с сестрой Машей, хотя она на два года меня старше. Со своими ровесниками ей не удалось пойти в первый класс, так как не во что было одеться. Не имели ни карандашей, ни тетрадей, ни бумаги. Карандаш делили на двоих. Писали на газетах да на исписанных тетрадях. Мама сшила нам с сестрой сумку из мешковины, одну на двоих. Чернила делали из сажи, брали из трубы сажу и разводили молоком, получалось крепче, чем с водой. У учителя чернила были красными, из свеклы, но они быстро прокисали и тянулись за пером.

Игрушки на елку делали из соломы, хотя нищета выглядывала из каждого угла, нам маленьким было весело. С нетерпением ждали Новый год, потому что давали подарки. Колхоз выделял муки и женщины пекли из нее булочки, и хоть как - то радовали детей.

После окончания войны, я уже работала, как взрослая. Работали летом, зимой учились. С Машей косили, нас ставили между мужчин и они нас подгоняли. Было тяжело, голодные. Давали одно яйцо да пол литра молока, да и то сверху сняты сливки(сдавали государству). Мне запомнился 1947 год. Лето оказалось сырым, шли проливные дожди. Сена не накосили. Осенью для колхоза привезли из Красноуфимска прессованной соломы. Колхозникам выдали немного. Картошка вся сгнила. Мы два раза выигрывали по облигациям немного денег, но тратили их только на хлеб.

Как бы не было холодно и голодно, мы всегда пели песни. На работу с песнями и с работы с песнями. Пели все, и взрослые и дети.

Каким бы трудным не было наше детство, я на свою судьбу не обижаюсь.

Я даже довольна, что прошла через это. Я знаю, что такое голод, страх, нищета, обида. Жаль только родителей, старших братьев и сестер. Им действительно пришлось многое пережить. Боялись опоздать на работу, работали без выходных, голодные, полураздетые. Не проходит дня, чтобы я о них не вспоминала. На нас не было такой ответственности, какая была на них. Если Господь дал нам выжить, значит так должно было быть.

Такое испытание послано было нам не зря. Мы научились многому, работать, выживать, ели траву – лечили себя.

Родители наши были хорошие. Всю свою жизнь они трудились. Я никогда не видела в доме ни одной бутылки водки, вина, никогда не слышала бранных слов. Нас никогда не били, мы были послушными детьми. Мы все выжили. Никто не попал в тюрьму. Не воровали, хотя росло кругом колхозное. Горох, морковь, репа, турнепс. Зерновые. Проходим мимо, голодные, а руку никогда не протягивали, чтобы что-то сорвать. Однажды мы с Машей пошли на поле, где росла морковь(но ее уже убрали), насобирали остатки. Нас увидел бригадир, подошел к нам, забрал у нас ведро с морковью, высыпал ее под пенек. И, потом, сколько мы проходили мимо этого пня, морковь все еще лежала там. Так и замерзла.

Принадлежит государству, трогать нельзя.

Когда с березы и осины легко снимается кора, мы ножиком снимали ее. А под корой сочная оболочка, мы ее соскабливали и ели. На березе она сладкая, на осине горьковата. Все молодые деревья ободрали, они бедненькие все засохли. Было много ягод: черемухи, рябины, клюквы, брусники, смородины, много грибов. Грибы сушили и картофель, в колхозе была сделана специальная сушилка. Все это выручало нас. Господь не дал умереть. Не ленились, запасали. Готовили и отсылали посылки на фронт. Вышивали для солдат кисеты. Вязали из шерсти носки, варежки. И мы научились еще маленькими вязать.

Так и дожили до Победы. Было много радости, смеялись.

Обнимались, целовались. У нас в это время было уже радио.

Голос Левитана у меня и сейчас в ушах слышится.

В нашем поселке Клавдия Артемьевна с мужем появились в конце 60 –х, в начале 70 годов. Добрые, трудолюбивые они сразу приглянулись нашим односельчанам, и называли их уважительно, только по имени и отчеству. Николай Ильич стал работать на кузнице, а Клавдия Артемьевна бухгалтером. Им дали жилье, подрастали дочь и сын. Волею судьбы и дочь Марина и сын Андрей закончив учебу, и получив профессию, оказались на родине мамы. Николай Ильич и Клавдия Артемьевна вышли на заслуженный отдых, но, к сожалению вскоре Николая Ильича не стало. Дети забрали маму к себе. Вот так, когда – то маленькая девочка, которая родилась и выросла на Урале, оказалась на земле своих предков. Мы всегда будем помнить таких прекрасных людей, на долю которых выпали невзгоды лихих военных лет. Вечная память!

Заведующая Сабиковской библиотекой Ф.Н.Идиятуллина